
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

АРХИТЕКТУРА РАЯ Главы из романа

Родилась в Туле. Училась в художественной школе им. В. Д. Поленова. Как художник, работает в жанре станковой живописи. Также занимается художественным оформлением книг, член редакции литературного журнала «Приокские зори». Публиковалась во многих журналах. Является одним из авторов двухтомного сборника «Мантрици» (изд-во «Карпатська вежа», Украина). С 2012 года пишет в соавторстве с писателем Виталием Ковалевым. В издательстве ZA-ZA Publishing (Дюссельдорф) вышли их совместные книги: «Побережье наших грез» и «Дневник Адама».

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

1. ДВЕ ЛУНЫ*

В эту ночь были две луны. Такое случается два раза в год. И обычно толпы народу собираются на улицах и площадях, высыпают на балконы и крыши. Радуются, устраивают вечеринки с танцами и выпивкой.

Но странность заключается в том, что на самом деле две луны — это всего лишь оптический обман. Некий мираж в небе. Что-то происходит в атмосфере, и начинает казаться, будто луна раздваивается. Но людям мало, и они «догоняются» «расширителем сознания». На инструкции к применению написано: абсолютно безопасна. Но, попробовав один раз, я больше к этому «расширителю» не притрагиваюсь. Весьма специфические ощущения. Словно все нутро начинает прорастать волосняным покровом. Потом неделю невозможно избавиться от этого и хочется чесаться. Но, увы, не помогает. Как можно почесать желудок или печеньку?!

Конечно, когда догонишься расширителем, первые часа три пребываешь на пике блаженства. Все кругом наполняется каким-то особым светом и чувством счастья. Мир преображается, становится ярче. А если посмотреть на небо, окунаешься

* Из части первой «Эвкаиф».

в такой космический калейдоскоп сияний, что, кажется, ничего нет на свете прекраснее этого.

И все это великолепие отражается на зеркальной поверхности *Конуса* — нашего Эвкаифа.

А теперь попробуйте представить, что творится с людьми. Именно в эти дни больше всего несчастных случаев, травм, падений с высоты. Праздник праздником, но радости от него в последние годы я не испытывал. Не вызывал он у меня доверия, а лишь усиливал чувство тревоги. Словно я всегда осознавал, что именно в такой день жизнь моя изменится раз и навсегда.

Так и произошло. Именно в этот день я потерял работу. Конечно, я жил не на самом верху. Но и не внизу. Люди, знаете ли, цепляются за *ярусы*, как грешник за душу. И раз уж ты волею судьбы и по праву рождения оказался на срединном уровне, то уж держись. Ни шагу назад! Вернее — ни метра вниз. Только вверх.

Конечно, на самый-то верх тебя никто не пустит. Но радуйся, что ты не внизу. Трущобы — верная смерть. Ну, может, и не смерть, но... Кому ж хочется нищеты и голода?!

2. ЭВКАИФ

Однажды меня послали в командировку на Пятый ярус (я-то живу на Четвертом, посередине). Чуть отступлю от темы. Четвертый уровень, или ярус, как вам будет угодно, является наиболее благоприятным для жизни основной массы, населяющей Эвкаиф. Судите сами. Ярусов — семь. А Четвертый, откуда ни считай, всегда останется Четвертым. Отсюда и экономическая стабильность, и уверенность в завтрашнем дне. Ох, нет! Уверенность? Сам себя насмешил. Какая уж тут уверенность, когда тебя выперли с работы в пять минут без выходного пособия. Но все вещательные источники вопят о стабильности Четвертого уровня, об «уверенности вас и вашей семьи в завтрашнем дне». И все в это свято верят, и держатся за иллюзию, пока...

Отступил, отступил от темы. Мысль несется, едва успеваю записывать. Пишу-то я сейчас старинным способом: на бумаге, ручкой. А это, знаете ли, сложно, когда ты с детства приучен к *воздушке*.

О, еще вспомнил! Был же в школе урок, в начальных классах. Но считался он эдакой экзотикой. Потому выбирался по желанию: хочешь занимайся, хочешь нет. Никто не принуждал. Урок рукописания. Я выбрал. Я вообще падох на все неординарное. Учили нас писать от руки. Хохотали, помню, когда бумагу и ручки выдали. Многие слиняли потом, а я да еще двое странных остались.

В общем-то, спасибо учителю — сейчас есть возможность буквы выводить, мысль оживлять. Я ж, как меня уволили, без воздушки остался. Воздушка — благо цивилизации, благо мегаполиса — выдается при рождении и, как заявляют вездесущие вещательные источники, является неотъемлемым благом граждан. Ха! Не смешите меня! Еще как отъемлемым. Едва из офиса директора вышел, меня тут же в специальную комнату отвели, в затылке покопались и воздушку отключили. Все! Теперь тебе ни *визор* посмотреть, ни с друзьями пообщаться.

Но я же начал-то про командировку. О чем хотел сказать? Ну да, Эвкаиф описать. Его ж толком-то, целиком, никто никогда не видел. Говорят, те, нижние, имеют большее представление. Снизу виднее. А нам, срединным, что верх, что низ, все едино. Им грандиозность видится, а нам — стабильность. А стабильность — это благо, это каждый вам скажет.

И вот командировка. Посылают на Пятый ярус. Туда только по воздуху. Говорят, есть лифт. Но не знаю. Слухи только. На легенду похоже. Вроде как сверху донизу центр Эвкаифа пронзает туннель — лифт. Сел — и мгновенно на другом ярусе оказался. Но это опять же для избранных. Для *вершников*. Они власть, им все открыто. А

нам и нашего яруса хватает. Известно, что никто из смертных на другие уровни так просто не попадет. Туда особый пропуск нужен. Мне такой сделали. Перед этим, правда, две недели муржили тестами. Но я прошел. Все честь по чести.

Все гадал, как же меня на тот ярус отправят. Оказалось, по воздуху. *Крестоверт*, ни много ни мало. Видать, важные документы, а от них подпись требовалась живая — никакой воздушкой передавать нельзя. Вот меня и выбрали — как самого ответственного работника.

Крестоверты мы часто видим. Парят в воздухе. Красота! Заглядишься, бывало, размечаешься — вот бы хоть разок в небо. Какое там! И не мечтай. Крестоверты только *вещателям* позволено иметь — рекламу снимать, да *презренцам* — чтобы за порядком следить.

А тут такое дело — сам в салоне сидишь, всеми благами наслаждаешься. На столике меню озвучил, а тебе тут не только виноградное с Третьего яруса, но и розовое с Пятого. Увидел даже *лапсы*, но не решился заказать. Слишком уж нереально. Розового, конечно, бокальчик выпил, а закусил обычной *маной* с персиками. Но это я уже потом закусывал и выпивал. Поначалу от визора не в силах был оторваться. Как увидел, что твердая поверхность уплывает, уменьшается — и страх взял, и восторг. Никогда ж в жизни не летал! Такое, скажу вам, пережить не каждому дано. Все-таки мир наш чудесная штука. Столько всего люди изобрели! И конца этим изобретениям нет. И все на благо цивилизации. «Только вверх, ни шагу вниз...» — это девиз Эвкаифа и начальные слова нашего гимна.

Вижу, как удаляются зеленые аллеи наших крыш, как становятся все меньше и меньше пики *молекул*. А в каждой молекуле семья, не меньше. Дети, жены, мужья — все уменьшается, все сейчас кажется мне мелочным, неважным, потому что открывается передо мной нечто такое, что затмило все красоты, знакомые мне.

Крестоверт рванул ввысь, отдалился на десяток километров в сторону, и увидел я наш Эвкаиф, да и то не весь. Нижние уровни в кольце облаков прячутся, вершину, как ни старался, не разглядел — она тоже в облаках. Солнце так и слепило глаза. Но понял я, как огромен наш мир, как велик наш Эвкаиф. Творение человечества, возводимое не одну сотню лет.

Какова же высота Эвкаифа? Пытаюсь вспомнить школьную программу. Самая высокая гора, где-то около двенадцати тысяч метров над уровнем моря. В древние времена это была высшая точка мира. Теперь же Эвкаиф затмил собой все горы. И поднимается он ввысь на двадцать тысяч метров, не меньше.

3. КОРПОРАЦИЯ «ОБЛАКО»

Я работаю в рекламе. Вернее, работал. Работал... Ох, эта последняя «л»! Как ушедшая от тебя любовь. Любовь?..

Любил ли я свою работу? А что значит любить? Любить — это когда жить без этого не можешь, когда все мысли, все дела — только источнику любви. И что? Что получается? Без работы не жизнь? Крах! Теряешь все. О работе все мысли, даже в единственный выходной думаешь о завтрашних проектах. И делаешь ты только то, что нужно для работы. Черт! Это что же получается — я любил свою работу? Да я ее ненавидел! Ненавидел как только мог. И в то же время был одним из лучших работников. Что за парадокс!

Рекламу на облаках изобрели давно. Несколько столетий назад. В те времена пользовались примитивными методами. Зато раздолье было рекламщику. Его поднимали в небо на крестоверте, со специальными приборами. А он уже творил. Делал все, что называется, от руки. Наводил цветные проекции на облачную дисперсию. В архивах корпорации сохранились старинные *визоны*. В свободное время я позволял себе разглядывать их. И часто восхищался не только мастерством, но и искусством

рекламщиков прошлого. Было время, когда разрешали работать свободно и поощряли свободный подход. Именно поэтому рекламы прошлого так ценятся нынешними коллекционерами. В тех рекламах всегда было что-то неожиданное. Тогда еще не умели «крепить» облака, они свободно парили, подчиняясь лишь природе: ветру и дождю. Сейчас все по-другому. На основательно «укрепленных» облаках тончайшие цветные пленки рекламы с подсветкой, которая сверкает ярче солнца даже днем. Да и сами рекламы теперь не создаются. Давно уже разработанные *трансфонаборы* шаблонов лежат в памяти визоров. Реклама делается скучно. И ты практически не видишь результатов своей работы. Да и не очень-то это интересно. За пятнадцать лет работы в корпорации глаз «замылвился» настолько, что воспринимает все единым цветным пятном.

Сверху присылают сводку цифр. Я, сидя за визором, выживаю трансфоблафоны, свожу их в одном поле — и готово. Можно отсылать в нижние цеха, где уже начнут изготавливать *цифропленку*, которую распылят без участия рекламщика на утвержденном и основательно «закрепленном» облаке.

«Закрепленное» облако обычно живет дня три. При хорошей погоде может и неделю провисеть. Но это случается редко. А если неделю, то рекламодателю несказанно повезло. Не надо обновлять заказ и платить огромные суммы. А наша корпорация на том и держится. Я так подозреваю, наш президент только и мечтает о дожде и буре. Тогда можно и раз в несколько часов обновляться. А это уже серьезные деньги.

Хотя деньги (мы-то, простые сотрудники, денег не получаем) это прерогатива верхушки. Говорят, только на Пятом ярусе могут пользоваться деньгами. А у нас все за баллы. Так вот, наша поощрительная система баллов от прибыли не зависит. Мы зависим от прихоти начальства. А начальство, в свою очередь, от своего настроения. Хотя, судя по моим баллам, у моего начальства затяжная депрессия.

Вот, например, откуда я знаю высоту Эвкаифа? И то приблизительно. Вы, видать, сильно удивились, когда я уверенно назвал число. Вам-то этого в школе не преподают. А в нашей — Высшей Дизайнерской — были всякие предметы. В том числе приблизительная статистика. Это такая наука, которая в общих чертах описывает, можно сказать, широты и глубины нашей эвкаифской жизни. Там как раз и сообщили о приблизительной высоте Эвкаифа. И даже на одном «специальном» уроке, перед которым нас зверски «тестировали» на неразглашение, нам выдали расстояния, опять же приблизительные, между Четвертым и Третьим ярусами и между Четвертым и Пятым. Внушительные цифры, скажу я вам. Причем, как я начал догадываться гораздо позже, чем выше ярусы, тем больше расстояние между ними. Ходят слухи, что Седьмой ярус на такой невысказанной высоте, что ни один крестоверт не осилит. А это еще раз доказывает существование лифта на оси Эвкаифа. Хотя, конечно, кому ни скажи, все твердят, что это, мол, слухи, причем нелепые. Мол, зачем Эвкаифу лифт, бессмыслица!

Может, меня из-за этого и выперли? Я слишком был любопытен. И слишком часто позволял себе разговоры «по душам» с коллегами во время обеда. Они вроде и поддерживали меня, и мы вместе все это переводили в шутку. Но кто-то выдал.

По роду своей профессии я много знаю. И пусть нам преподавали лишь приблизительную статистику, всегда можно в приблизительном найти некую середину и уловить суть. А теперь я со всеми этими знаниями оказался не только неуютным, но даже и опасным жителем Четвертого яруса.

После того как меня «почистили» от воздушки, со мной провели беседу и вновь тестировали. Попытались выяснить «глубину» знаний. Я тут повел себя по-умному, а именно — прикинулся дурачком. Мол, знаю много, а может, и больше, чем вы думаете. И начал приводить такие несуразные цифры и факты, что комиссия быстро успокоилась и выпустила меня на «волю».

4. МОЛЕКУЛЫ

Почему я вообще начал писать? Ну, во-первых, потому что меня выперли. А это, скажу я вам, тот еще стресс. А во-вторых, меня сейчас одолевает неизвестная мне прежде эйфория. Я свободен! Пятнадцать лет мой мозг работал только на корпорацию. Пятнадцать лет мое тело функционировало как хорошо отлаженная программа. Подъем в шесть утра, пробежка по *микроярису*, душ, завтрак, работа. Вечером обсуждение планов жены на улучшение нашего быта. Сон.

О, моя жена чудесная женщина во всех отношениях! Она энергичная, целеустремленная. Она умна и прозорлива, как только могут быть умны и прозорливы женщины. В ее мозгу, по-моему, успешно работают одновременно все извилины. В моем мозгу, я знаю точно, одновременно может работать только одна извилина. Если я делаю какое-то дело, я полностью погружаюсь в него и концентрируюсь на нем. Жена же моя может делать сразу несколько дел.

Обычно мы видимся вечером, потому как ночью спим. Хоть и в одной постели, но спим. А с утра на работу. Итак, вечером мы возвращаемся со своих работ, усаживаемся в кресла. Иногда позволяем себе немного местного пива и начинаем строить планы. Вернее, жена строит, а я лишь внимательно запоминаю, что от меня требуется.

— В этом месяце с тебя сняли двадцать пять баллов. Придется брать сверхурочные. Ты же знаешь, нам необходимо купить *светоножницы*. Я уже устала стричь газончики на балконе по старинке. Да и соседи смеются. У них идеальные поверхности, не придерешься. А я, чтобы добиться такой идеальности, вынуждена проводить за стрижкой весь выходной.

— Хорошо, дорогая,— я отпиваю глоток пива, и мысленно убиваю свой следующий выходной.

— Иногда, между прочим, мог бы и помочь. Я за выходной успеваю тысячи дел сделать. Езжу в «Семейную молекулу», ищу нужные для дома вещи, выгадываю каждый балл. Ты думаешь, это просто — держать нашу молекулу на уровне? Я ведь тоже устаю на работе.

— Хорошо, дорогая,— смиренно отвечаю я, делая еще один глоток, и мысленно убиваю еще один выходной.

Теперь уже добровольно, по собственному желанию. Лучше проведу выходной на работе, чем в «Семейной молекуле» или за стрижкой газончика.

— Ты такой вялый! В тебе нет энергии. Как можно так жить! — возмущается жена, одновременно делая маникюр и что-то рассматривая в визоре.

Я тихо поднимаюсь из кресла, выхожу на балкон, мой взор упирается в очередную навязчивую облачную рекламу. Кажется, будто облако увидело меня и подтянулось ближе, и распухло, заколыхало холмами и взгорьями, засверкало буквами. Я невольно прочитал: «Ярус за ярусом. Стремление вверх. Нет в нашей жизни больших утех». И тут же другое облако: «Больше тратишь, меньше платишь!»

Чушь какая-то! Кто сочиняет подобное?

Я допил пиво.

Зачем же я пишу? Вдруг захотелось оставить след. Может, найдется кто-то в будущем, кому станет интересна наша жизнь. Нет, я пишу не для современников. Во-первых, современники не читают печатные (за исключением, конечно, рекламы), а тем более рукописные тексты, а во-вторых, им и так известно все, что я здесь пытаюсь описать. Поэтому так подробно и описываю окружающую меня жизнь.

Например, что есть молекулы?

Это наши жилища. У каждой семьи своя молекула. Кстати, последние триста лет существует непререкаемый закон: жить только семьей. Одиноким людей быть не должно. Если ты встретил человека, который тебе по душе, считай, тебе повезло. И

таких семей много. Я, можно сказать, из их числа. Мне нравится моя жена. Я привык к ее характеру и научился мириться с ее «штуками». Она тоже довольна мной. Во всяком случае, ее устраивает моя система баллов. Когда же случается так, что один из супругов умирает, данные другого автоматически попадают в поисковик, и там уже быстро находится замена. Все честь по чести. Учитывают все мелочи и предпочтения. По статистике (это не та, приблизительная, тут все точно) 99,7 процентов жителей Четвертого яруса довольны этой старой доброй системой. Я же говорю — наш Четвертый ярус славится своей стабильностью.

Ах да, вот еще! Ходят слухи, что если... ну, вдруг для кого-то не находится пары на нашем уровне, партнера могут доставить из соседнего. А тут уж кому как повезет. Учитывают буквально все. И твой послужной список, и заслуги, и промахи. Если плюсов больше, а твой партнер на верхнем уровне, тебя тоже могут доставить наверх. Если минусов больше, тут уж, извини, будь добр вниз.

Молекулы расположены в *каскадах*. Их строят вдоль окружности яруса, у основания зеркальной башни — оси. Каждый каскад длиной десять километров. Устроено все так, что при желании можно вообще не покидать свой каскад. Здесь можно найти все: и магазины, и фирмы, и муниципальные учреждения. В выходные можно подняться на *Верхнее плато* и насладиться природой. С искусственно возведенными растениями и источниками, озерами и водопадами. Все стерильно. Не то что в дикие доэвкаифские времена.

На работу я обычно добирался по движущейся скоростной ленте, или попросту *платформе*. У нас есть как внутренние, так и внешние платформы. По внешним можно добраться до соседних каскадов. А внутренние, соответственно, нужны для перемещения по каскаду. Мне нравится ездить на внешней платформе, защищенной от края яруса прозрачным куполом, и ощущать скорость, рассматривать город, поднимающийся уступами вверх. Особенно люблю солнечные дни. Иногда солнечные лучи преломляются сквозь цветные облака и отбрасывают на все радужный свет. Один из плюсов облачной рекламы.

Детей у нас нет. Так случилось. Я с этим давно свыкся. Жена, думаю, тоже. Во всяком случае, я никогда не замечал в ее глазах тоски. Говорю же, она очень сильная женщина, да к тому же трезво мыслящая. Она знает, что на Пятый ярус мы, как ни старайся, не выберемся. Какими бы мы ни были идеальными гражданами, а семья неполная. Тут уж извините!

Детей нет, вот она и перенесла всю энергию на улучшение нашего быта, что тоже немаловажно. Наша молекула близка к идеальной. Жена регулярно отслеживает новые, модные тенденции и раз в три месяца делает ремонт. Обычно я участвую лишь в качестве баллопартнера. Она сама все организует. Ремонтная фирма, в которую мы обращаемся уже несколько лет, зарекомендовала себя с наилучшей стороны. У нас там уже стабильная система скидок, регулярные подарки. С работы я обычно возвращаюсь уже в абсолютно обновленную молекулу.

Вообще с этими ремонтами создается впечатление, что жизнь наша не стоит на месте. Ты словно оказываешься в новой молекуле. Вот только вид из окон все тот же. Хотя нет. Ведь облачная реклама работает отменно, и в солнечную погоду на нашу постель проецируются все новые и новые радуги.

5. ДОБРОВОЛЬНЫЙ УХОД ИЗ ЖИЗНИ

Что-то изменилось. Сначала не мог понять что. Потом дошло. Новая мода. Ввели серый цвет. Восхищения посыпались со всех визоров. Все, кто в авангарде тенденций, кинулись менять все, что можно. Через неделю наш каскад «пестрел» всеми оттенками серого. Жена, конечно, тоже включилась. Уже сделала заказ на новый дизайн молекулы.

И тут-то меня выперли. Бюджет треснул, как туго натянутые штаны на заднице.

— Лучше бы ты умер! — воскликнула моя любимая, узнав эту новость.— Как мне теперь делать ремонт? Есть только один способ все исправить! — В ее голосе зазвенели оптимистичные нотки.— Добровольный уход из жизни!

Объясню.

Есть такое в юридических дебрях Семейного кодекса. Можно выбрать «добровольный уход из жизни». Если один из партнеров выбирает этот пункт, он спасает второго от дальнейших житейских проблем. То есть второй партнер ничего не теряет, автоматически становится вдовцом и попадает в поисковую систему. Ему быстро находят замену. Говорят даже (ну, по слухам), что пострадавшей стороне положены в этом случае льготы и поощрения. И вполне возможно, ему найдут партнера из верхнего яруса и переправят туда. Вообще, согласитесь, справедливая система.

Так вот, тот, кто выбирает добровольный уход из жизни, он, конечно, не убивает себя, и никто не лишает его жизни. Просто он подписывает документы о том, что отказывается от всего имущества и не будет иметь дальнейших претензий.

Его просто вычеркивают из системы, но и тут все справедливо. Дают еще целую неделю на «осознание». За это время партнеры могут передумать и отозвать заявление. Ну а если не одумаются, то, по крайней мере, есть неделя, чтобы не сразу, так сказать, на улицу в чем мать родила.

Я подал заявление и уехал на целый день на Верхнее плато. Бродил среди искусственно разбитых парков, любовался фонтанами, радовался искусственно выведенным цветам.

Вернулся поздно ночью. Свет в прихожей не включал. Осторожно прошел в спальню, разделся, лег и сразу уснул. Проснулся рано утром. За окном, по всей видимости, дождь. Я не заметил радужных теней на нашем одеяле. Тени были серыми. Я сел в постели и осмотрел спальню. Меня окружали всевозможные оттенки серого. Серые стены, светло-серая мебель, серо-холодный оттенок пола, серо-матовый пододеяльник с краплениями светоотражающих серых объемных кубов.

Светло-пепельные волосы жены (когда она успела перекраситься?!) разметались на серо-стальном шелке подушки. С плеча спустилось легкое светло-серое кружево ночной сорочки.

Она успела сделать новый ремонт.

Я встал, выглянул в окно. На меня медленно двигались грозовые тучи. В чистом голубом небе ярко сияло солнце. Приглядевшись, я понял: на тщательно «закрепленные» облака нанесена цифропленка различных оттенков серого. Искусные сочетания цвета профессионально выделяли названия фирм и их призывные девизы.

6. МУЗЫКАНТ ИЗ ПРОШЛОГО

Прошла неделя. Жена сияла серыми нарядами и часто гляделась в зеркало. Ее нескладно радовало и вдохновляло, что глаза у нее от рождения серого цвета. Глядя в зеркало, она каждый раз, видимо, убеждалась в этом и все больше излучала флюиды счастья. При разговоре она неосознанно расширяла глаза, чтобы собеседник мог оценить натуральный серый цвет ее радужки. Другим приходилось заказывать цифропленку, а она стояла не меньше сорока баллов. Не особенно разбежисься.

Моя Лили была великоленна. Я искренне желал ей счастья с новым партнером. Перед моим уходом она не выдержала и радостно объявила:

— Мне нашли с Пятого яруса! С Пятого! Ты можешь себе представить? Я и мечтать не смела!

Ее глаза увлажнились и стали прекрасны. Я был рад, что в конце концов смог сделать ее счастливой.

По закону мне не позволено было забирать что-либо из молекулы, но, находясь в

прекрасном расположении духа, моя Лили расщедрилась и разрешила порыться в кладовой.

— Там все равно все на выброс.

Кладовая, как и все у нас, была в идеальном состоянии. Здесь хранилось не так много вещей. В основном что-то очень старое, относящееся к юности и детству. Хранилось как воспоминание. Лили не страдала сентиментальностью, но тем не менее сохранила свое платье школьницы. Она часто вспоминала те годы с теплотой: в школе она всегда была впереди и на хорошем счету. Платье висело на плечиках на стене, рядом пара визонов с выпускного. Лили, лучезарная молоденькая девушка, смотрящая вверх на воображаемую вершину Эвкаифа.

Здесь же хранилась моя *светоситра*. В последних классах я что-то там пытался изображать из себя. Знал все аккорды и неплохо ими пользовался. Даже сочинял. Одна из популярных песен была у меня об Эвкаифе. И слова были такие:

*Назад не смотри,
Вниз не заглядывай:
Сзади стена,
Внизу пустота.
К небу стремись,
О небе загадывай,
Жизнь наша —
Лестница
В облака.*

Надо же, вспомнил весь текст. Эта песня нас и свела с Лили. Мне кажется, она поначалу даже влюбилась в меня. А я не переставая думал о ее груди. Почему я в школе хотел быть музыкантом? Помню, ходили тогда слухи о некоем странном певце. И вроде толком никто его не слышал и тем более не видел, но всегда находился кто-то, у кого друг, а у того тоже друг якобы видел его и чуть ли не дружил.

Были даже тексты. И вот их-то я начал записывать на бумагу после того, как выучился рукописанию. Сейчас я пытался найти эти записи. Листы хранились у меня в *цифропакете* с изображением черного силуэта мужчины с *ситрой* через плечо. Он стоял на фоне закатного неба у основания зеркальной стены Эвкаифа. Этот рисунок я сделал сам, вогнал в цифру.

Наконец я нашел среди старых визонов свой цифропакет. Изображение до сих пор было «живым». Ни один ядропиксель не сдох. На закатном небе медленно движутся облака, легкий ветер развеивает длинные волосы человека с ситрой. Если провести пальцем по изображению, слышатся тихие аккорды, разносимые эхом. Аккорды, конечно, мои. Никто не слышал его музыки. Были лишь тексты, передаваемые устно. Мне лишь пришлось в голову переписать их от руки, что я в свое время и сделал. Цифропакет был достаточно вместительным, и мои нынешние записи, что читаете вы сейчас, я положил внутрь.

Ходили слухи, что того певца после одного концерта быстро спустили вниз. Он пропал. Но тексты остались.

Мне хотелось оживить их, и я взял на себя смелость и сочинил для них свои мелодии. Все они до сих пор хранятся в светоситре.

Почему его спустили вниз? Говорят, потому что он пел о безысходности. Да, в его текстах полно подобного, но отчего-то они приковывали к себе и завораживали. Казалось, этот человек знает нечто большее о нашей жизни и пытается донести до слушателя. Может, он и был депрессивным, но, говоря же, он знал нечто большее. И я чувствовал: где-то он прав. Его песни на свою музыку я никому не пел. Только уединившись и убедившись, что меня никто не слышит, я бормотал их едва слышно под нос и наслаждался каждой фразой.

*Эй, дружище, что ты видишь?
Кто проходит в твоих снах?
Слепит солнце,
Слепит солнце,
Ты ослеп в его лучах.
Посмотри себе под ноги,
Ты увидишь
Пустоту.
Сделай шаг в конце дороги,
Смело прыгай в темноту.*

Насколько его тексты отличались от моих! Какие мы были разные! Меня поощряли в школе и даже приглашали участвовать в концертах. Я неосознанно чувствовал «правильное» настроение и писал «нужные» тексты. Поэтому его тексты я лишь бормотал себе под нос, когда никто не слышал.

Говорят, его спустили в туннеле и он пропал навсегда. Сгинул в той темноте, о которой так громко пел.

Я взял ситру, сунул во внутренний карман цифропакет и вышел в прихожую. Лили с кем-то общалась по визору. Не прерывая разговора, она небрежно махнула рукой на прощание. Я вышел из молекулы.

На этом я перестал вести свои записи. Жизнь резко повернула направление и изменила меня...

7. ВЕРХНЕЕ ПЛАТО

Хотелось уехать подальше, сменить обстановку. Глаза устали от вездесущего серого. Единственное место, где можно укрыться,— Верхнее плато. Я решил сделать большую дугу по ярусам. Времени у меня было теперь хоть отбавляй. Я сел на внешнюю платформу, которая следовала на дальние направления, и готов был ехать до вечера. Чем дальше уеду, тем лучше.

Между каскадами тянулась зеленая зона, называемая *Дикие места*. Туда, насколько мне известно, никто никогда не ездил. Да и остановок там не было. Дикие места считались опасными, там водились дикие звери и росли дикие деревья. Все было нестерильно. Это место играло роль легких. И, надо сказать, буйная растительность прекрасно справлялась с этой ролью. Качество воздуха на нашем ярусе считалось выше нормы на 0,5. Это, по данным приблизительной статистики, в несколько раз лучше, чем в нижних ярусах. Я слышал, что Первый ярус не может справиться с ядовитым смогом. Их экономика не позволяет завозить землю с *Занустынья*. Это весьма дорогое удовольствие. Как они там живут?

Выдался теплый солнечный день, но облачная реклама в центре города скрыла свет, и город освещался как-то зловеще. Словно ожидалась гроза и буря. Свет солнца, преломляясь сквозь серую цифропленку, рассеивался на здания мутной зеленью. Чем дальше удалялся наш каскад, тем меньше попадалось облачной рекламы. Самый неприятный участок был на выезде, в нескольких километрах от Диких мест. Облаков было меньше, и солнечный свет выстреливал мощными лучами между ними. То слепил свет, то накрывала тень. Я невольно закрыл глаза и отвернулся в сторону.

За пять часов внешняя платформа преодолела почти четыре тысячи километров. Насчитав пятнадцать каскадов, я сбился со счета. Каждый каскад — это своего рода мегаполис в себе, так что, можно сказать, я проехал больше пятнадцати городов. Чем дальше, тем лучше, думалось мне. Не то чтобы я был зол на кого-то. Я пока еще не мог понять своих чувств. В груди учащенно билось сердце. Но отчего? Оттого ли, что оказался внесистемником, или оттого, что, наконец, свободен?

Из каждого каскада на Верхнее плато идет лифт, так что я мог выходить в любом месте. Сейчас мне хотелось тишины, пения птиц, журчания воды.

Время близилось к закату, и я решил сойти на следующей остановке. Все каскады похожи между собой как близнецы. Стандартные строения, уходящие ввысь правильными, постепенно сужающимися уровнями. Верх каждого уровня — дороги с движущимися платформами. У основания уровня обычно располагаются магазины, кафе, рестораны. Выше идут офисы, а на самом верху — молекулы. Кругом стерильная чистота. Каждый свободный сантиметр отдан клумбам с цветами. Но все же лучше всего на Верхнем плато. Там ты попадаешь в особый мир, наполненный своими звуками и красотой. В ширину плато составляет более десяти километров. Так что судите сами, какова ширина всего яруса. Говорят, что верхние ярусы не так велики. Оттого там и меньше людей живет. Но их образ жизни невозможно сравнить с нашим. Там и понятие работы практически отсутствует. Например, на Пятом ярусе работает только обслуживающий персонал, но и он живет качественно лучше, чем мы. И молекулы у них более просторные, и от системы баллов они почти не зависят.

Я вышел в город, почувствовал, что проголодался: утром лишь выпил *кану* и закусил маной. Я выбрал первое попавшееся кафе, заказал стандартный обед. Официант привычно посветил на меня воздушшкой. На его лице я заметил удивление. Он вновь посветил и удивился еще больше.

— Вас нет в системе,— произнес он с глуповатой улыбкой.

И тут до меня дошла вся комичность, а может, и трагичность моего положения. Вытурив с работы, меня отключили от воздушшки, а когда я подписал документы о «добровольном уходе из жизни», меня «вычистили» из системы. Теперь я не мог пользоваться баллами, а значит, не мог себе позволить ничего — ни купить еды, ни снять молекулу. Да и вообще, на что я надеялся, когда подписывал документ? Я же прекрасно знал, что так будет. С другой стороны, не подпиши я его, как бы сложилась жизнь Лили? Она же ни в чем не виновата. Я не мог подвергнуть ее свалившимся на меня испытаниям.

Вот так! Я теперь не только свободен, оказалось, что меня просто не существует. Ну что же, отправлюсь на Верхнее плато. У нас транспорт бесплатен для всех. Это единственное, чем я мог теперь пользоваться.

Широкий, прозрачный лифт, в котором прозрачен даже пол, быстро поднимал меня наверх. Под собой я видел площадку с многочисленными магазинчиками, людей, делающих покупки. Все сверкало, отражалось, преломлялось в зеркальных стенах. Если расслабиться, то на мгновение можно представить, что я действительно возношусь в небо, как какой-нибудь прадревний святой.

Наша история — история Эвкаифа — берет начало с его основания. А тому минуло уже много веков. Я точно уверен, что до нас тоже существовала жизнь со своей историей. Но, увы, ни в школе, ни потом никто нам не преподавал прадревнюю историю. Но, если ты любознателен, можно ощутить ее отголоски в нашем языке, в словах. Например, откуда известно про святых? Кто-нибудь задавался вопросом? Однажды в отпуске я позволил себе посетить *Альфа-визор*. Как же вам объяснить, что это такое? У каждого из нас есть свой визор. Каждый, как я уже писал, подключен к воздушшке. Нам доступна любая информация обо всем, что когда-либо происходило в Эвкаифе. Хотя я давно подозревал, что она зачем-то кем-то «подчищена». Тем не менее в общих чертах, так же как и в приблизительной статистике, можно узнать обо всем. Так вот, когда я со своего визора решил разузнать, кто такие святые, поисковик не нашел ничего, кроме маленького изображения, поразившего меня, даже несмотря на размер. Сначала мне показалось, что я вижу искаженный визон. До меня никак не доходило, почему человек на визоне выглядит странно. Пропорции лица, шеи, рук чем-то едва уловимым отличались от привычных пропорций людей. Увеличив изображение, я вдруг ощутил непреодолимое желание взглянуть в его черты. Мне пока-

залось, что он тоже смотрит на меня. Даже скорее не на меня, а куда-то внутрь, за глаза, куда-то чуть выше глаз, между бровями. Я едва оторвал взгляд от него. Даже голова закружилась. Никакой подписи под изображением не было. Лишь информация: «более подробно можно узнать, обратившись в Альфа-визор».

Он находился в одном из каскадов. Если сесть на внешнюю платформу и ехать на север, можно оказаться там через пару часов. Зная, что это дорого, я все же поехал туда. Лили потом, конечно, устроила скандал: она копила баллы на очередной ремонт. Но я сделал это. Я оказался там. Огромное помещение с мягкими шезлонгами, уютно расположенными вдоль прозрачных стен, сквозь которые видна площадь. В каждом шезлонге имелся встроенный «вход» и выдвигалась *цифровая панель*, на которую поступала нужная информация. Я заметил, как безлюден зал. Кроме меня никого не было. Сотрудник не смог скрыть своего удивления, увидев меня. Видимо, тут не привыкли к частым посетителям.

Сотрудник набрал код на панели и пригласил устроиться поудобнее. К моему удивлению, он спросил:

— Какой вопрос вы будете вводить в Альфа-визор?

— А я должен отвечать?

— Да, таковы правила пользования,— вежливо ответил тот.

Я несколько замялся. Почему-то не хотелось рассказывать, но другого выхода не было. Но все же, несколько схитрив, я решил назвать область поиска в общих чертах.

— Хотел бы почитать о праистории.

— Вы имеете в виду доэвкаифскую историю?

Я вновь заметил крайнее удивление на лице сотрудника.

— Именно.

Теперь он замялся и сказал:

— Ну что же, это ваше право. Но вы наверняка в курсе, что история вашей работы на Альфа-визоре будет сохранена?

Я этого не знал, но ответил, что я в курсе.

— Тогда приятной работы!

Мы вежливо расстались. Тогда я не очень принял во внимание этот странный диалог. Теперь же, после всех перипетий, мне вдруг подумалось, а не был ли поход в Альфа-визор одним из минусов, занесенных в мой послужной список? Хотя это никакого отношения к работе не имело, все мы знали, что за сотрудниками наблюдают. Любая мелочь могла быть истолкована по-своему и внесена в реестр резюме как нежелательное действие.

Я ввел запрос: «Доэвкаифская история. Кто такие святые?»

Результат меня разочаровал. Информации вышло совсем мало. Статей для чтения не было вовсе. Только изображения. Мужчины и женщины в красивых одеждах. Я снова не мог понять, почему их пропорции отличаются от нормальных. Лица узкие, глаза большие, взгляд глубокий. Пальцы и ладони вытянутые. Я не находил ответа. Тогда я выбрал один из визонов и вновь задал вопрос: «Что это?»

Мгновенно выпавший ответ еще больше запутал меня.

«П्राдревнее изображение людей, нанесенное художником на деревянную или иную поверхность с помощью пигментов цветной глины».

Я невольно вспомнил старинные визоны с изображением первой облачной рекламы. Тогда изображение тоже наносили, но не на дерево, а на облако, и не глиной, а объемными ядропикселями. Было ли между этими способами что-то общее, не берусь сказать. Может, только то, что изображение делали от руки. Одно цепляет другое. Искал про святых и наткнулся на новое слово. Очень оно заинтересовало меня. Художник!.. Кто это?

Я вновь ввел в поиск вопрос. Но тут тихо подошел сотрудник и вежливо попросил завершить работу.

— По правилам Альфа-визора вы не имеете права за один сеанс вводить несколько запросов. Вам необходимо оплатить новый абонемент.

Надо сказать, меня это сильно огорчило, но покупать новый абонемент я уже не мог. Решил тогда, что на следующий год, в очередной отпуск, вновь смогу приехать сюда. Но, увы, не случилось...

На Верхнем плато было безлюдно. Может, оттого что поздно. Но, скорее всего, людям казалось это малоинтересным. Ни ресторанов, ни магазинов, ни других развлечений. Я давно это заметил. Говорят, в прошлом столетии сюда поднимались чаще и гуляли целыми семьями, устраивая пикники у озер, наслаждаясь природой. Но это было давно. С одной стороны, грустно немного, а с другой, я всегда мог найти здесь тишину и уединение.

Лили тоже не очень любила бывать здесь, предпочитала проводить выходные в торговых центрах. Я же каждый выходной старался подниматься сюда, бродил, слушал птиц, сидел у водопада, наслаждаясь звуками падающей воды. Почему меня это притягивало, а других нет? Что во мне не так? В юности часто чувствовал себя изгоем. Друзья зависали в клубах, конечно же, звали меня с собой. И я старался быть с ними, но чувствовал, с каким бы удовольствием покинул грохочущие от музыки залы и окунулся в тишину.

Мягкие песчаные дорожки привели меня к круглому озеру. Неподвижная гладь воды отражала начинающийся закат. Здесь было чуть меньше облачной рекламы. И она особо не досаждала. Можно было насладиться заходящим солнцем. Меня всегда привлекала полоса на горизонте. Иногда ее скрывали пустынные бури, но в ясные дни ломаная линия голубела, словно матовый драгоценный камень. Я подолгу мог глядеть вдаль и строить в воображении неясные картины. Говорят, это горы. Я никогда не видел гор. Я никогда не видел моря.

Как представить то, что никогда не видел? Порою мне снились цветные сны. В них у меня всегда был визон. И я видел во сне горы и видел во сне море. Я снимал удивительные визоны. Но жаль, что все это было во сне.

Сейчас, сидя у озера и смотря вдаль, я чувствовал непреодолимое желание попать туда — за этот дымчато-голубой горизонт. Как это возможно? Разве можно покинуть Эвкаиф? Место, где ты родился и вырос. Но сейчас я жалел, что у меня нет крыльев.

Я часто видел огромных птиц, порою они кружили у нашего яруса. Большие и свободные. Но они никогда не садились на плато. Они всегда улетали в ту голубую даль.

Солнце медленно скрылось. Стало темно. Только сейчас я почувствовал, что ужасно голоден. Но как раздобыть еды? Я не знал. Решил заночевать у озера. Это единственное место, как мне думалось, где я могу переждать ночь. Но я ошибался.

За спиной послышались шаги. Подошли двое сотрудников плато.

— Вы Адан М-1? — вежливо поинтересовался один из них.

— Да.

— Просим вас проследовать с нами.

Я послушно встал, пошел за ними. Меня привели к небольшому светящемуся в темноте зданию. Видимо, здесь располагалась охрана. Усадили в удобное кресло. Один из охранников извлек что-то из шкафа, подошел сзади и мягко коснулся моего затылка.

— Пожалуйста, не бойтесь. Это не больно,— услышал я и провалился в сон.

Борис Григорьев
(г. Москва)

РАБЫ С ВОСТОКА
Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)
Главы из очерка

Родился в 1942 г. в с. Порой Рязанской (Липецкой) обл. После окончания средней школы поступил на переводческий ф-т 1 МГПИИЯ им. М. Тореца. В 1965—1996 гг. сотрудник нелегальной разведки ПГУ КГБ (потом СВР РФ), работал в Дании, Швеции и на Шпицбергене. Сейчас полковник СВР в отставке. Владеет немецким, английским и скандинавскими языками, имеет 30 публикаций в российских и шведских издательствах. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2022 год.

Моему отцу и его товарищам по немецкому плену в Норвегии посвящается.

10. КВЕСМЕНЕС И ШИБОТН

После отступления из Финляндии 6-я дивизия вермахта сосредоточила на берегах Люнгенфьорда, вокруг крошечного поселка Квесменес, около 8.000 советских военнопленных, которые должны были принять участие в строительстве оборонительного вала под названием «линия Люнген», а также в сооружении других оборонительных объектов (дороги, мосты и пр.). Отступая в рамках т.н. операции «Nordlicht» из Финляндии и оставляя норвежские провинции Финнмарк и Тромс, немцы планировали занять оборону на этой линии. Тут были сосредоточены большие силы немцев: до 220 тысяч солдат и 60 тысяч лошадей и мулов.

При содействии 664 саперного полка в каньоне Китдал была построена двухстанционная подвесная дорога и прорублена наверх извилистая узкая тропа. По ней пленные поднимали цемент, древесину, пушки, пулеметы и другое оборудование и продукты. Строительство продолжалось вплоть до апреля 1945 года, когда бои велись уже вокруг Берлина. Линия Люнген была готова, но советские части на этом направлении так и не появились. К концу войны наши командиры кое-как научились беречь солдат.

Когда американский подполковник медицинской службы Э. Росс Дженни, посетивший этот район в мае 1945 года, спросил командира 664 саперного полка, зачем они продолжали бессмысленное строительство до последнего дня войны, тот ответил: «Мы просто не получили никаких указаний на прекращение работ». «Слова не передадут впечатлений о трудностях (строительства, Б.Г.)», — пишет Дженни. — «Вряд ли кто выдержал бы цену того, как здесь работали замерзшие, голодные и изможденные люди. Спотыкаясь о скалы в непроглядной ночи арктической зимы, русские военнопленные продолжали работать».

Немцы такие сцены выдерживали.

Пленные для строительства оборонной линии были привлечены из близлежащих лагерей и располагались в наскоро построенном примитивном убежище рядом с линией. Два десятка кое-как и кое из чего сколоченных барачных хибар на самой верхо-

туре строительства служили убежищем для пленных. Они были рассчитаны на 10 человек, а немцы в них запихивали по 60. Стены хибар насквозь продувались ледяным пронизывающим ветром — от щелей спасал только снег. Но и он проникал сквозь лохмотья, которые висели на пленных. Отпадали отмерзшие уши, на отмороженных руках и ногах появлялась гангрена, но люди шли работать. Каждое темное утро их поднимали на переключку, и они шли, потому что тех, кто не мог поднять кирку или лопату, ждала пуля. В суровые декабрьские морозы плохо одетые и голодные пленные работали в буквальном смысле на износ. Сколько их там погибло, выбилось из сил и пристрелено — точно не известно. Некоторых, кого не пристреливали на месте, свозили в лагерь смерти «Малльнитц».

Эпизод: пленный Алексей Похвалов должен был поднять бревно, но не смог. Тогда его избили и дали другую команду, но он и с ней не справился. Немцы назвали его лентяем и выстрелили ему в лицо. Когда они увидели, что пленный еще жив, они сделали контрольный выстрел в лоб. Мертвый Похвалов пролежал целый день на снегу, пока его не отвезли в какую-то братскую могилу. Из 272 пленных, работавших здесь, выжили всего 67 человек, из них сразу после освобождения, от истощения и побоев, умерли еще 25 человек.

Вероятно, чтобы ускорить процесс избавления от «лишних» пленных, немцы применили здесь ноу-хау «мягкого» истребления людей: они делали им смертные инъекции, используя в качестве яда керосин.

Убыль рабочей силы наверху пополнялась прибытием новых партий военнопленных из долины, снизу. Потом советские офицеры-следователи выяснили, что именно самых слабых и «непригодных» немцы поднимали наверх, чтобы выжать из них последние дешевые калории. *«Это был процесс, задуманный как эффективная утилизация избыточной рабской трудовой силы»,* — пишет Дженни, — *«выжимание губки, прежде чем ее выбросить на свалку. Система была санкционирована в высоких штабах. Нам торжественно предъявили соответствующий приказ, как будто он что-то объяснял».*

Умерших, забитых, пристреленных немцы собирались спрятать в массовых могилах. И прятали... Они заставляли пленных рыть глубокие ямы, засыпать тела погибших камнями и землей, а сверху — сажать молодые березки, призванные, очевидно, скрыть преступления от грядущих победителей. К счастью для победителей, этот «процесс» вермахт завершить не успел. К тому же, к несчастью для побежденных, несмотря ни на какие их ухищрения, некоторые жертвы немецких зверств выжили и поведали союзникам секреты Китдала. Участвовавший в расследовании этих зверств Дженни был удивлен, как хорошо работала память этих несчастных.

Расследовали преступления немцев в этом лагере норвежцы и союзники. Они направили материалы следствия в Нюрнберг, где проходил процесс над главарями рейха, но ответственный за лагерь «Малльнитц» генерал Лотар Рендулич по какой-то странной случайности или ошибке Нюрнбергского суда остался ненаказанным. По всей видимости, кабинетным судьям норвежские события на фоне «грандиозных свершений» нацистов в Дахау или Бухенвальде показались незначительными.

Шведский и норвежский патологоанатомы, участвовавшие в расследовании немецких преступлений в лагерях в губернии Тромс, были удивлены: почки, печень и селезенка погибших людей были на одну треть меньше, чем у нормальных людей. С подобным феноменом ранее им никогда не пришлось сталкиваться. У убитых был целый букет болезней, и врачи не могли представить, как мог человеческий организм выдержать все это. Большинство тел имели следы побоев или огнестрельные раны в голову, грудь или спину. Но попадались тела с простреленными половыми органами: перед расстрелом немцы заставляли свои жертвы становиться на четвереньки. В трех случаях на телах погибших были обнаружены срезы мускулистых частей тела — следы людоедства.

Раскапывать 104 трупа из общей могилы лагеря Малльнитц заставили немцев. Роли поменялись. Все, что рассказали выжившие пленные, подтвердилось до последней мелочи, пишет Дженни: кто и каким способом был убит, когда и сколько их было и т. п. При поднятии из ямы 3 трупов, на которых были срезы мускульных частей, стоявшие рядом свидетели плакали и только повторяли:

— У нас не было выхода, у нас не было выхода...

«Они внимательно наблюдали, как переводчик переводил нам их рассказ,— пишет Дженни,— и я чувствовал, как они сомневались, что мы их поймем — мы, обутые в тяжелые ботинки и с шапками на головах».

В июне эксгумированные трупы были перезахоронены. Оркестр г. Тромсе играл похоронный марш Шопена, звуки печальной мелодии, будто на хлопьях неожиданно выпавшего снега, улетали в долину Китдал и отзывались эхом в скалах... Угрюмые молчаливые немецкие солдаты гроб за гробом опускали в братские могилы — по 30 гробов в каждую. На импровизированной штанге развевался импровизированный советский флаг. Рядом с ним с обнаженными головами стояли оборванные оставшиеся в живых товарищи...

О зверских преступлениях немцев во время войны широко известно. Менее известны их бесчеловечные деяния в Норвегии. Норвежские Дахау и Освенцим располагались в северной провинции Тромс в лагерях вокруг поселков Квесменес и Шиботн. Как и в других местах Европы, это не были злодеяния, совершенные отдельными немецкими администраторами — это была политика центральных властей рейха. Норвежский майор Л. Крейберг, представлявший норвежскую сторону в северных губерниях Норвегии по делам советских военнопленных, оставил отчет о посещении лагерей. Вот некоторые выдержки из него: *«Лагерь для военнопленных Дундерланд. 477 русских, из них 330 больные, 40 больны туберкулезом...100 человек сильно ослаблены, не могут ходить... Лагерь Стурволлен. 422 русских, из них 300 больных, 23 — туберкулезом, после 26 марта 30 человек умерли... Лагерь Бьяркосен. 918 русских, из них 430 больных... Лагерь Наббвольден. 426 русских, из них только 20 здоровых и работоспособных. Лагерь был просто ужасным...»*.

Профессор и д.м.н. Антон Ервелль, главный врач больницы в Тенсберге в 1945 году, так описывает туберкулезный лагерь на о-ве Могере (Неттертей):

«Здесь условия для пленных с запущенным туберкулезом не поддаются описанию. Лагерь был изолирован колючей проволокой, а немецкая охрана не имела разрешения заходить на его территорию. Не было ни уборных, ни каких-либо приспособлений для принятия пищи... 116 военнопленных были сразу эвакуированы в госпиталь в Вествольде, и 20 из них скоро там скончались...».

В губернии Тренделаг, где при освобождении оказалось 11200 советских военнопленных, положение было не лучше. В лагере Чюрксэтерера было около 180 советских военнопленных, только в период между летом 1942 и весной 1943 г.г. здесь умерли (или были убиты) 28 человек. Тронхеймская газета «Адрессеависен» от 13.06.1945 года рассказывает о том, как один из военнопленных был убит охранником лопатой только за то, что тот от упадка сил не мог держать строй.

Преступные действия немцев в Норвегии были расследованы сразу, что называется, по горячим следам. Но в силу различных причин они не получили такого широкого резонанса, как в других местах. Возможно, это случилось потому, что о них постарались позабыть.

Сохранился «Неформальный отчет» комиссии по расследованию военных преступлений в губернии Тромс, работавшей весной и летом 1945 года в долине Китдален и возглавляемой капитанами (британской армии?) МакДжиллом и Галлахером. Медицинскую часть возглавлял американский врач, вышеупомянутый подполковник медицинской службы Э.Росс Дженни. Им помогли шведский патологоанатом, профессор Лундского университета, Шевалль и врач Государственного госпиталя Нор-

вегии в Осло Свенсен, советский дипломат Велья, местный полицеймейстер Лунд, местный врач Хагенрюд, два бывших советских узника-офицера, офицеры норвежской армии и переводчик. Вся или почти вся собранная комиссией информация исходила от бывших советских военнопленных, находившихся на реабилитации в госпитале Эвергорд*. Часть информации сообщили местные жители, а еще меньшую часть — сами преступники, немцы.

О преступлениях немцев, как уже заметил читатель, кричат факты, о какой стороне жизни советских военнопленных мы бы ни говорили. С некоторыми эпизодами читатель уже ознакомился. И везде одно и то же: голод, побои, издевательства, унижения, болезни, непосильный физический труд, расстрелы...

Работа комиссии по сбору информации, поиску могил массового захоронения, эксгумации и транспортировке трупов, проведению аутопсии, перезахоронению, определению виновных немцев и их арестам происходила слаженно, быстро и без задержек. На всех стадиях 143 случаев аутопсии присутствовали немецкий паталогоанатом, немецкий военврач и адвокат. Интернированные германские военные 6-й горнострелковой дивизии предоставили в распоряжение комиссии карты, фотоаппараты, фотопленку, легковые и грузовые автомобили, шоферов, бензин, различные инструменты и приспособления, медицинские халаты и перчатки, гробы, а также сообщили комиссии свои соображения о деталях предстоящей работы. С их стороны не последовало ни одного протеста или знака недовольства действиями комиссии. Полномочия комиссии никакого сомнения у них также не вызвали.

Эксгумацией трупов из могил занимались немцы. Они работали партиями по 20—40 человек под руководством немецких же лейтенантов и под контролем капитана МакДжилла. Группы возили тоже немцы на своих грузовиках и складывали их в здании на берегу Стурфьорда. Аутопсию проводили Шеваль и Свенсен. Кандидатов на арест немецких офицеров и доставку их к местам преступлений готовил майор норвежской армии Дюкер (Ducher). Сначала планировались аресты целых немецких подразделений, предусматривались опознания преступников их жертвами, советскими военнопленными, а также очные ставки, но судьба этих планов осталась за рамками отчета Комиссии.

Результаты аутопсии однозначно свидетельствовали, что все эксгумированные умерли насильственной смертью, и что смерть для них не являлась актом милосердия: все они могли выжить и жить. Все указывало на то, что жертвы о предстоящей своей смерти не предполагали, потому что при них был найден рабочий инструмент, с которым они шли на работу. 5 пленных пытались, вероятно, бежать и были убиты с расстояния. Двоих немцы добивали прикладами. После акта расстрела все трупы были сброшены в яму, облиты бензином и сожжены. Эти данные были подтверждены местным полицеймейстером Лундом.

Поскольку масштабы немецких преступлений в губернии Тромс и Тренделаг были велики, а массовых захоронений было слишком много, то понадобилось бы несколько комиссий, чтобы с ними можно было справиться. Поэтому комиссия МакДжилла-Галахера решила сосредоточить свое внимание только на 4 из них. В своих выводах «Неформальный отчет» указывает также на отсутствие из союзнической верхушки четких директив и инструкций на проведение аналогичных следственных действий, что дало капитану Галлахер повод сомневаться, имеет ли он формальное право на аресты немецких преступников. Это также затрудняло работу комиссии в Тромсе. Западные союзники в Норвегии слабо представляли последствия немецкой оккупации Норвегии в целом и результаты «деятельности» немцев в отношении советских военнопленных, в частности. Впрочем, они, возможно, и не горели

* Госпиталь был построен немцами в январе 1944 года для лечения своих раненых, поступавших с финского и норвежского фронтов войны, но после их капитуляции госпиталь был отдан под реабилитацию советских военнопленных.

желанием слишком глубоко «влезать в частности». Их больше беспокоили советское присутствие на севере Норвегии и скорые способы вытеснения Советской Армии из района Киркенеса.

Высший орган союзников по этому вопросу — War Crimes Commission (Комиссия по расследованию военных преступлений) — блистал в Тромсе своим полным отсутствием. КРВП, кажется, полностью устранилась от своих прямых обязанностей в Норвегии, уповая на то, что этим должны были заняться гражданские власти Норвегии. Эта идея, по мнению авторов «Неформального отчета», совершенно не отвечала ни масштабам предстоящей работы, ни мировому значению проблемы военных преступлений. Добавим, что упование союзников «спихнуть» свою работу на норвежские власти было просто безответственным. Они не могли не понимать, что норвежское правительство испытывало в это время известные трудности: оно только что вернулось из эмиграции, и работу по управлению страной нужно было еще наладить. Нужно было рассчитаться с коллаборационистами и предателями в собственном населении. Так что заниматься проблемами советских военнопленных одним норвежцам было просто не по плечу.

Вслед за расследованием немецких преступлений в Тромсе намечалось провести подобное мероприятие в г. Харштаде, но проводилось ли оно и с какими результатами, тоже не известно. *«Не ясно, будет ли Россия или другая какая страна проводить расследование и организовывать суды в связи со своими гражданами»*, — говорится в отчете. Насколько нам известно, советская сторона таких расследований в Норвегии не проводила.

Э. Росс Джени во время работы комиссии посетил 8 филиалов печально известных лагерей Квесменес и Шиботн, в которых находилось 2.188 советских военнопленных при 22 офицерах, а также был частым гостем в госпитале Эвергорд, комендантом которого был все еще немецкий лейтенант Деметри Корски. 558 советских пациентов занимали в госпитале 8 секций. Их обслуживали 4 советских врача, бывшие узники лагерей, в том числе тбилисец Клементий Гогия, взятый в плен под Сталинградом. Им помогали немецкие врачи и 2 норвежские сестры. Пища и медикаменты поступали из запасов немецкой армии. Часть пациентов — 147 человек — страдали от туберкулеза, каждый день умирали по 3—4 человека. Многие страдали и умирали от гангрены конечностей. Некоторых, согласно Гогии, можно было спасти с помощью хирургии в Советском Союзе. В целом у пациентов был представлен такой букет болезней, с которыми врачи не успевали справляться. Несмотря на болезни, самым большим желанием русских было поскорее вернуться домой.

Во время работы комиссии советский дипломат Велья получил данные о других массовых захоронениях: в Рогнане (300 человек), Тронденесе/Харстад (1.800 трупов, 600 из которых были расстреляны, а остальные заморены голодом). Свидетельские показания о преступлениях немцев в районе Харстада давал норвежский майор Хейен, до 1943 года работавший инженером в этом городе. Допрошенные комиссией немецкие офицеры из 6-й горнострелковой дивизии и 664-го саперного полка утверждали, что урезание пищевого рациона советских военнопленных происходило по приказу из Берлина, что средств на их медицинское обслуживание объективно не хватало, а о расстрелах или убийствах пленных они якобы ничего не слышали.

Судьба «Неформального отчета» не ясна. Во всяком случае, в работах норвежских исследователей мы пока не встретили ни одной ссылки на него. Как мы понимаем, он должен был быть представлен союзнической Комиссии по делам военных преступлений в Норвегии и появиться и на Нюрнбергском процессе, но сделано ли было это и с какими последствиями, тоже не известно.

Массовые захоронения советских военнопленных, судя по всему, были не только на севере Норвегии. Типичным примером того, как по свежим следам относились к сигналам о преступлениях немцев в Норвегии, является эпизод, связанный с лагерем

Сумармюр. Местные жители осенью и зимой 1944 года видели, как немцы несколько раз увозили пленных в ближайших лес, а потом слышали оттуда то пулеметные очереди, то ружейные залпы. Никто из норвежцев потом не видел, чтобы пленные возвращались из леса обратно.

Сразу после войны местный полицейский Мартин Осланд опубликовал об этом в газете «Ставангерен» статью, а 25 июня 1945 года он взял с собой двух коллег и отправился в упомянутый лес. В лесу их остановили немецкие охранники (таковы были порядки, установленные англичанами и американцами в Норвегии после капитуляции Германии!), которые под предлогом охраны важного склада с боеприпасами и во исполнение полученных от союзников инструкций преградили им путь.

Норвежцы на этом не успокоились и доложили обо всем союзнической администрации в Ставангере, но никаких расследований с их стороны не последовало. Союзники, якобы, были по уши заняты другими важными расследованиями преступлений немцев в Норвегии, они пообещали проверить обстоятельства трагедии в Сумармюре позже, но так к этому делу и не вернулись. Теперь и норвежцы пишут, что никакого массового захоронения рядом с Сумармюром не было, и что все это дело возникло в результате заблуждений местных жителей.

11. МИР

В понедельник 7 мая 1945 года в лагере Фолькворд, Санднес, после обеда начали циркулировать слухи: война окончилась! Слухи были похожи на правду — куда-то исчезли охранники вместе со своим ненавистным начальником, и уже 2 дня подряд заключенных не выгоняли на работу. В половине четвертого слухи подтвердились — наступил мир. Все узники переоделись во все лучшее, что у них было, построились, как всегда, в две длинные шеренги, но уже без охраны, и пошли к Санднесу. По пути они приветствовали норвежцев, плакали, махали им руками и что-то кричали. На площади в городе уже собрались норвежцы, и военнопленные присоединились к ним, чтобы вместе отпраздновать такое долгожданное событие.

Когда они поравнялись с железнодорожной станцией, кому-то пришло в голову сесть на поезд и поехать в Ставангер. Так и сделали. Железнодорожники прицепили к поезду еще 3 вагона и разрешили им съездить в главный город губернии бесплатно. По пути в Ставангер бывшие теперь военнопленные снова и снова приветствовали из окон вагонов радостных норвежцев. В конце этого дня радостные, усталые и голодные они вернулись обратно на свои нары в Фолькворде.

Примерно так советские военнопленные в южной Норвегии встретили День Победы. Но в некоторых лагерях, например, в Рисейе, пленные до 10 мая находились по-прежнему за колючей проволокой. Охрана по-прежнему осуществляла контроль за пленными, но не препятствовала им беседовать через забор с норвежцами. Пока было не ясно, кто возьмет ответственность за порядок в лагерях. Англичане не торопились брать все в свои руки. Был период, когда в некоторых лагерях совместную охрану осуществляли и немцы, и норвежцы из Народного фронта.

Бывший сотрудник Милорга* в Бускерюде Оскар Хасселькниппе, ответственный за советских военнопленных в районе Хенефосс, вспоминал:

«У нас для этих дел не было ресурсов, и единственное, что мы могли сделать, это попросить военнопленных о том, чтобы они взяли за управление лагерями сами. Они выбрали из своей среды доверенных лиц, и несколько недель сотрудничество с ними было отличным. Трудности возникли, когда в лагерях появились советские офицеры. Один раз возникли волнения. В одном лагере совершили самосуд над пленным, который сотрудничал с немцами. Его осудили на смерть, убили и похоронили. И мы ничего не смогли предпринять».

* Военизированная организация норвежского Сопротивления.

В лагере Сула немецким офицерам разрешили оставить при себе личное оружие, чтобы якобы препятствовать эксцессам между бывшими охранниками и заключенными. Но один из офицеров воспользовался этой возможностью для того, чтобы застрелить двух военнопленных в момент, когда они поправляли могилы своих похороненных товарищей.

Первые представители союзнических сил в районе Ставангера появились 9 мая — это была десантно-парашютная часть, т.н. «красные береты», под командованием подполковника Р. А. Эллиота. Наконец, 10 мая представители Народного фронта в Ставангере приняли решение взять лагерь под свой контроль, о чем и договорились с комендантом лагеря. Местные коммунисты соорудили красный флаг и вывесили его в лагере. Впавшие чуть ли не в истерику от радости заключенные собирались вокруг флага. В местной школе военнопленным устроили праздник с угощением. За праздничным столом с речью выступил майор Советской Армии Тимошенко. Потом выступали норвежцы и благодарили бывших советских военнопленных, а те, в свою очередь, благодарили за всю помощь и доброту норвежцев. Потом приехал оркестр, и под музыку бравурного марша военнопленные, представители Народного фронта и рядовые норвежцы вышли на улицу.

При освобождении пленных из лагерей в Норвегии, в том числе и на юге страны, было обнаружено сотни безнадежно больных туберкулезом и прочими заболеваниями, вызванными антисанитарными условиями проживания, побоями, истощением от хронического голодания и физическим перенапряжением.

21-летний Петр Сабугин 2 июня 1945 года был госпитализирован в Рогаландскую больницу с повреждением левой ноги. 7 апреля 1944 года во время работы в каменоломне он тяжело повредил голень ноги, нога распухла, и он был вынужден ходить на костылях. В течение года ни один немецкий врач не оказал ему какой-либо помощи, пока его ногой не занялись норвежские врачи.

32-летний Александр Морозов 15 мая 1945 года был госпитализирован в той же больнице с резкими болями в области желудка, от которых он страдал с октября 1944 года.

22-летний Владимир Куличенко оказался в указанной больнице 26 мая 1945 года с грижей, с которой он жил с декабря 1942 года, пока она не выросла с большой апельсин, но ни один немецкий врач не обратил на это внимания.

Список таких больных, выявленных только в одном месте — Рогаланде, коммуна Ставангер — можно было бы продолжить. А сколько таких случаев было по всей Норвегии, особенно в северной губернии Тромс, где смертность среди советских военнопленных была предельно высокой и не шла ни в какое сравнение с цифрами, зарегистрированными в средних и южных губерниях страны?

При освобождении пленных из «благополучного» лагеря в Мадле норвежцы были шокированы тем, что они увидели в бараках — в таких помещениях и скотине было бы неудобно, не говоря уж о людях. Пока норвежцы круглосуточно праздновали победу, изможденные от голода и больные военнопленные сидели взаперти в бараках и все еще охранялись немецкими солдатами — правда, сильно присмирившими и заявившими, что они не нацисты. Когда некоторые из норвежцев вспомнили о советских военнопленных и побежали в Мадлу, навстречу им вышли тени плачущих и рыдающих людей, со следами побоев на теле, одетых в лохмотья, кишасшие вшами, блохами и прочими насекомыми-паразитами.

Кроме примитивной обстановки, они обнаружили там нескольких умирающих от голода и туберкулеза узников, среди которых был 46-летний украинец Дмитрий Андриевич. Предложение норвежцев немедленно поместить его в госпитале Св. Франциска было встречено с большим недоверием — пленные боялись, что их обманут, и что они уже никогда не увидят своего товарища. Тогда один из норвежцев, Мартин Шэвеланд, спросил у своей беременной жены, согласна ли она побыть заложницей на

то время, пока больные будут находиться в госпитале. Эльса Шэвеланд сказала «да», и госпитализация при посредничестве другого военнопленного по кличке «Прусак», говорившего немного по-немецки, состоялась. Вместе с Андриевичем в госпитале оказались еще 8 тяжелобольных. Андриевич, измученный побоями, болезнью и голодом, вскоре умер. Перед смертью с ним беседовал священник, который знал русский язык.

То, что тяжело больной туберкулезом лежал рядом с другими военнопленными и заражал их, было само по себе уже преступлением, писали норвежцы. Пока больные лечились, Эльса Шэвеланд сидела в лагере заложницей. «Здоровые» пленные снимали одежду и показывали ей на теле следы побоев, которые наносили им вечно недовольные охранники. Многие молодые выглядели стариками. Позже она рассказывала, что это время показалось ей вечностью. Но она всю жизнь гордилась тем, что могла хоть чем-то помочь несчастным советским пленным.

Мартин Шэвеланд вступил в контакт с представительницей Красного Креста фру Гримнес Мауритцен и предложил оказать пленным в лагере немедленную помощь, в первую очередь вывезти их из лагеря и поместить в городе. Госпожа Мауритцен была другого мнения: она считала, что нужно было ждать, когда англичане высадутся в Норвегии... Никакие доводы, в том числе смерть Андриевича, на представительницу Красного Креста не действовали.

Тогда Мартин обратился в полицию. Знакомый полицейский дал Мартину и Эльсе связки ключей от лагеря и сказал, что они могут предпринять все возможное, что в их силах, чтобы помочь пленным. Супруги раздобыли автомобиль, набили его продуктами и поехали в Мадлу. Продукты они сдали повару, а сигареты раздали пленным. Когда супруги приехали на следующий день в лагерь, довольные пленные показали им, какую еду им приготовили из норвежских продуктов. При этом никто из них не притронулся к пище, пока не приехали их благодетели и не откушали кашу и суп вместе с ними. Чтобы избежать эксцессов, норвежцы предупредили пленных сразу не наедаться, а принимать пищу малыми порциями. На следующий день Мартин и Эльса Шэвеланд приехали в лагерь снова. Потом лагерь перешел в ведомство союзников, и пленных перевели в транзитный лагерь Ватне. Места бывших советских военнопленных в Сауде, Сандэйде, Форусе, Нэрланде, Мадле и Слеттебе заняли 5000 немецких солдат.

14 мая 145 бывших узников лагеря Русенберг написали письмо со словами благодарности всем норвежцам, которые помогали им в трудную годину, поддерживали морально и физически и не давали умереть. Они просили опубликовать письмо в местной прессе, что и было незамедлительно сделано. *«Мы никогда не забудем норвежских детей!»* — писали они. — *«Мы расскажем о них всем людям в нашей огромной стране, России. Мы расскажем всем русским детям, как они всем своим детским сердцем ненавидели тиранов, немецких фашистов, и что мы видели тысячи примеров того, как они помогали нам».*

При освобождении их заверили, что английские военные распорядились о направлении в лагерь достаточно провианта и сигарет, но с момента освобождения прошло уже более 2 недель, а положение со снабжением лагеря все не улучшалось и оставалось по-старому. Адвокат М. Воланд наскреб где-то немного сигарет и передал их в лагерь, но этого явно не хватало. Положение военнопленных изменилось только после того, как их перевели в транзитный лагерь Ватне. Скарстен и Стокке пишут, что военнопленные, которые имели все основания быть недовольными медленными действиями норвежских и английских властей, тем не менее, выразили своим вышеупомянутым письмом трогательную благодарность, и это норвежцы оценили.

Норвежские авторы пишут, подводя итоги сказанному, что положение советских военнопленных в первые дни освобождения было не таким уж и безоблачным. Они ходили в той же рваной, ненавистной одежде и питались также впроголодь. Радость

освобождения быстро прошла, для советских военнопленных снова начались будни. Некоторые ни за что не хотели возвращаться в свои лагеря и неприкаянные бродили по улицам, другие, наоборот, предпочитали другим помещениям свои насиженные места. Подача еды в лагерях на эти переходные дни прекратилась вовсе: немцы «умыли руки», а норвежцы и англичане еще не вошли в курс дела.

Во избежание всякой анархии Красный Крест, английские военные и норвежские власти старались как можно быстрее организовать военнопленных, оказать им медицинскую и другую помощь и разместить в более-менее приличных условиях. Один из руководителей Милорга адвокат Клуге уже 9 мая освободился из концлагеря Грини и активно включился в работу по упорядочению дел с освобожденными советскими военнопленными. В этих целях ставангерское отделение Милорга организовало специальный рабочий комитет и он начал действовать вместе с английской комендатурой Ставангера. Сначала комитет назывался «Комитетом по делам освобожденных иностранных военнопленных», но поскольку других иностранных пленных, кроме советских, в районе Ставангера не было, то он стал называться «Комитетом по делам советских военнопленных». В него вошли только что вышедший из Грини адвокат Герхард М. Воланд (председатель) и жители Санднеса Арне Нильсен и Сигурд Й. Эглэнд (члены). Среди населения начался сбор одежды для советских военнопленных, но потом выяснилось, что одежды много на немецких складах. Бывших пленных просили оставаться на местах и для переговоров с новыми властями выбрать доверенных лиц.

В обстановке эйфории освобождения случилась беда: бывшие советские пленные вместе с норвежскими друзьями «отметили» праздник употреблением древесного спирта. 85 человек немедленно отправили в больницу, но, к сожалению, шестеро из них скончались от отравления, а некоторые ослепли.

Бывшие советские военнопленные были приглашены принять участие в праздновании дня 17 мая, государственного праздника Норвегии. Они вместе с норвежцами маршировали с советскими флагами по улицам местных городов, участвовали в митингах и собраниях, слушали речи норвежцев, произносили свои, получали угощение.

Со стороны бывших советских военнопленных отмечались попытки мщения бывшим охранникам, но они были единичными: на первые дни после капитуляции англичане предупредительно оставили немцам оружие, а, во-вторых, английская военная полиция и норвежские власти все такие попытки пресекали.

12. ЛАГЕРЬ В ВАТНЕ

Транзитный лагерь в Ватне был построен под надзором Комитета по делам бывших советских военнопленных в провинции Рогаланд. Постепенно туда переводили всех бывших узников из лагерей этой южной провинции Норвегии. Он был переоборудован из помещений бывшей немецкой артиллерийской части (конюшня на 250 лошадей, солдатские бараки на 800 человек, офицерский барак на 40 человек, 6 домиков для старших офицеров, вахтхаус, кинозал, санитарный барак, столовые, комнаты отдыха и т. п.) под насущные потребности репатриантов и по сравнению с бывшими лагерями выглядел настоящим домом отдыха.

Первые советские военнопленные появились в лагере 17 мая. Их привезли из лагеря в Санде. К июню их там собралось около 1300 человек. Комендантом лагеря стал бывший узник тюрьмы Грини норвежец Берре Берресен, а его помощниками — тоже норвежцы, в том числе ученики старших классов гимназии. Среди последних был изучавший в гимназии русский язык Томас Лоотц. Переводчиками выступали органист Фредрик Саген и Карин Индрехус. Доверенным лицом лагеря был избран Михаил Аренберг, ему помогал еще один советский лейтенант из военнопленных.

Они организовали выбор старост барачков, а Берресон быстро установил контакты с ними и так же быстро и эффективно начал управление лагерем.

Советскую сторону в Ватне на первых порах представляли бывшие военнопленные майор Иванов (руководитель группы), майор М. Сашил, капитан Бущенко и ст. лейтенант Борис Верниковский. 27 мая группа Иванова по согласованию с норвежцами и союзниками взяла на себя общее управление лагерем. Ей предоставили помещения лагеря, а потом Иванов со своими офицерами построил военнопленных на плацу. У многих бывших пленников глаза были полны слез: впервые за долгие годы ими командовали советские офицеры! После торжественного акта передачи Иванов дал интервью местной прессе, в котором, отвечая на вопрос, каково ему управлять лагерем, ответил:

— Порядок будет военный. Время будет использовано на военную подготовку, физические упражнения и развлечения.

Обитатели лагеря были очень довольны теми условиями, которые им предоставили в Ватне. По свидетельству норвежского обслуживающего персонала, все жители лагеря хотели вернуться на родину и никаких опасений по поводу своей судьбы или поползновений к тому, чтобы попытаться остаться в Норвегии, не проявляли.

Поводом для недовольства большинства советских военнопленных стало появление 7 июня в лагере 237 «остарбайтеров» из лагеря Саудашеен. Их обвинили в том, что они добровольно работали на немцев. Впрочем, недовольство удалось погасить, но норвежской охране лагеря на всякий случай выдали автоматы.

В дополнение к лагерю в Ватне норвежцы организовали еще один маленький лагерь на 135 человек в Фолькворде, куда собрали «остарбайтеров», главным образом женщин, детей и семейных.

В Ватне норвежцы часто устраивали праздники с употреблением алкоголя, который в изобилии хранился на бывших немецких складах и контролировался английским подразделением MDU (Military Disarmament Unit). Обычно пленные с одним из норвежцев ехали в офис MDU и проверяли, «хороший» ли майор находился на дежурстве или «плохой». Когда дежурил «плохой» англичанин, «делегация» возвращалась в лагерь ни с чем. Когда же им попадался «хороший» майор, то они смело заходили к нему в кабинет и просили спирт. Тот выписывал накладную, и пленные ехали с ней на склады, отоваривались и устраивали в лагере праздник. Естественно, перепало кое-что от этого спирта и норвежцам.

На территории лагеря постоянно находились норвежцы, в том числе и молодые девушки. Все посетители должны были покинуть лагерь не позднее 23:00. Между молодыми и здоровыми русскими парнями и норвежскими девушками завязывались романы, так что зрелище укрывавшихся в ближних кустах парочек было вполне обычным. Как пишут Скарстен и Стокке, «вытащить» норвежек из лагеря было не так просто. Они прятались от норвежской охраны и возвращаться домой не хотели. Наши парни, узнав, что в лагере Фолькворд хранились немецкие парашюты, устраивали туда по ночам рейды, «реквизировали» драгоценный в те времена шелк и дарили его своим норвежским подружкам. Подружки шили себе из него юбки и платья и щеголяли в обновках в лагере. Иногда англичане заставляли воров на месте, но без всякого наказания возвращали их в Ватне.

У многих норвежцев от этих визитов остались памятные дневники и альбомы, куда бывшие пленные записывали слова благодарности и пламенные патриотические обращения в стихах и прозе.

В Ватне оказалось много немецких велосипедов, и бывшие военнопленные часто ими пользовались. Многие ездить на велосипедах не умели, а катались на них верхом с горки, соревнуясь, кто дальше проедет. Норвежцы с удивлением смотрели на русских парней, которые с растопыренными ногами лихо мчались со спуска. Скарстен и Стокке пишут, что за этим занятием военнопленные проводили целые часы.

Часто они играли в футбол. Первый матч между сборной лагеря и одним местным норвежским клубом состоялся в Ватне 4 июня. Победила, как говорится, дружба. Норвежцы говорили, что если бы русских футболистов подкормить и как следует потренировать, то им бы не было цены. Потом русские футболисты играли против норвежцев на стадионе в Ставангере. Чтобы как-то занять скучавших без работы бывших пленных, майор Иванов организовал им выезды на поля местных фермеров — в порядке оказания безвозмездной помощи.

Скоро в Ватне стала процветать всякого рода художественная самодеятельность: люди доставали инструменты и собирались в оркестры, танцевали, пели и делали инсценировки. Перед отъездом на родину жители лагеря 13 июня 1945 года устроили прощальный двухчасовой концерт, о чем в Ставангере и в округе были развешаны объявления. Вход на концерт стоил 1 крону, половина сборов шла в пользу Фронта Освобождения. Гвоздем программы концерта стал русский хор, русские народные танцы и пляски и оркестр балалаек. Концерт стал выражением искренней благодарности *«за каждую дружескую улыбку, за каждое дружеское рукопожатие и за каждую корку хлеба, которую норвежские дети и взрослые дали нам»*.

1 июля в лагере был устроен «отходной» праздник.

Проводить русских пришли тысячи норвежцев с окрестных городов и поселков. У многих в лагере были свои старые друзья. Конечно, опять был непременно концерт художественной самодеятельности и танцы. От норвежцев выступил Воланд, а от советской стороны — майор Сашил. Выступление майора на ломаный норвежский язык переводил М. Аренберг. Потом выступил Клуге, который, в частности, сказал: *«Страдания, которые нацистские палачи причинили русским военнопленным, были восприняты нами как наши собственные. Надеюсь, вы возьмете с собой в Россию чувства и симпатии, которые испытывает к вам норвежский народ. Давайте помним тяжелые времена, через которые мы прошли вместе и попытаемся лучше понимать друг друга в будущем»*.

Проводы завершились танцами.

В начале июля 1945 года пленных из Ватне отправили поездом из Санднеса до шведского города Евле. Оттуда шведы перевозили их по морю в Финляндию. Первый поезд из Сандеса перевозил 45 больных туберкулезом, а 3 июля отошел поезд из 14 вагонов, где за главного начальника был старший лейтенант Б. Верниковский. Этим поездом были транспортированы 520 бывших военнопленных и 282 «остарбайтера», включая женщин и детей (младшему из последних было всего 2 месяца). В одном из вагонов под надзором шведского персонала были размещены еще 33 больных туберкулезом. Шведы в количестве 25 человек (старший прапорщик Ларссон) располагались в отдельном вагоне. По соглашению с союзниками, шведы отвечали за доставку военнопленных через свою территорию.

4 июля отошел второй и последний поезд с 593 жителями Ватне.

После этого лагерь опустел и 6 июля был закрыт.

7 июля союзники в зоне Ставангера выпустили по этому поводу краткий заключительный документ, в котором была сделана лаконичная приписка о том, что *«весь персонал желал возвратиться на родину»*. После отъезда норвежцы неподалеку от лагеря обнаружили труп советской женщины — по всей вероятности, след пребывания там нелюбимых «остарбайтеров».

А территорию лагеря норвежское государство выкупило и передало в распоряжение своих военных.

